

Женский путь к инициации

Инициация — один из самых распространенных сказочных и мифологических сюжетов. Пытаясь понять сказку и психологию архаического человека, эту тему нельзя обойти стороной.

В своем первоначальном виде этот обряд перестал существовать века назад. Долгое время он видоизменялся и трансформировался и потому в сказке предстает в завуалированной форме. К тому же чаще всего он объясняется с точки зрения человека, который уже не помнит, для чего совершалась инициация. Однако для архаического человека посвящение было естественным и необходимым условием существования. Таким образом он переходил от природного состояния к социальному и получал разные права: голосовать на совете племени, участвовать в ритуалах, вступать в брак и, соответственно, иметь детей, то есть продолжить себя в потомстве.

В целом институт инициации стоял у истоков человеческого самосознания. Когда господствовала охотничья культура с тотемными культами, человек видел и осознавал себя либо зверем, либо потомком зверя. Аграрная культура и ее культ принесли ему осознание себя человеком, а инициация стала обрядом посвящения в люди. Она давала сакральные знания об устройстве человеческого тела и самого мира, а также понимание вечности жизни и собственного бессмертия.

В начале своего развития аграрная культура была матриархальной. Зародившись из собирательства, которое чаще всего называют женским занятием, она стала предметом наблюдения. Скорее всего, однажды женщины, собиратель-

ницы и хранительницы корешков, увидели ростки. Они осознали, что изначальное растение, уже непригодное для еды, сгнило, умерло — но взамен оставило после себя новую жизнь, подобную прежней. Наблюдения за природными циклами, за сменой фаз Луны, за тем, как плод дает семена, а семя пускает корни и преобразуется в новое растение, стали не просто любованием, а знанием. Появилось понимание того, что смена сезонов, дня и ночи влияет на рост и состояние растений. Посевы злаковых и первых огородных культур, а потом наблюдения за ними позволили осознать, что зерно, упавшее в землю, не погибает навсегда, ведь оно дает взамен множество других зерен или плодов. Оно лишь по виду мертво, но при этом продолжает жить в новых, произведенных от него растениях.

Жатва. Картина Александра Маковского. 1896 г.

В архаическом понимании человеческая жизнь во многом похожа на жизнь растений. Инициация позволяла связать воедино жизнь, смерть и возрождение, объяснив их в терминах аграрного цикла: зерно падает в землю, умирает, возрождается, дает другие зерна, готовые тоже упасть,

умереть и возродиться. Проходя через инициацию, архаичный человек доказывал, что он не зверь, отвергал инстинкт самосохранения, а затем приобретал личный опыт гибели и воскрешения. После этого он уже не боялся смерти, зная, что вновь может возродиться, как уже сделал однажды.

Отголоски аграрных культов еще слышны в языке. Люди до сих пор говорят о жизни человека терминами аграрной культуры: пора цветения, расцвет, пора увядания, плод страсти или любви, семя, пустоцвет, выколоток (то есть обмолоченная, говорили в Полесье о женщине, которая в силу возраста уже не может иметь детей, она сравнивалась с колосом, лишенным зерен). Эхо тех времен звучит в заговорах: «Я кидаю зерно, ты выведи из него человека»³ — и даже в молитвах: «...плод чрева Твоего»⁴.

Можно предположить, что наиболее древней была женская инициация. Женщине сама природа подбрасывала загадки, и обряд посвящения пробовал объяснить таинственные изменения женского тела: наступление менструаций, беременность, появление молока и кормление грудью. Мужское тело не знает столь глобальных трансформаций, и необходимости что-либо объяснять не возникало.

Судя по сказкам, девочки проходили обряд посвящения легче. Их инициация соотносилась с нормальным женским развитием и женской природой: девочки узнавали больше о себе и своем теле, и это почти не пугало их. С развитием патриархальных порядков появились подобные обряды и для мальчиков, которым испытания казались чуждыми, «пожирающими».

Матриархальная эпоха тоже оставила свое наследие в словах. Пройдя инициацию, женщина могла вступить в брак, и именно от слова «жена» было образовано слово «жених», а никак не наоборот. Существовала и плата за мужа — вира (уже во времена Русской Правды вира стала платой за некий

ущерб, например за убийство человека). Слово «вир» означает «забвение», а в архаике им называли переход мужчины в род жены⁵.

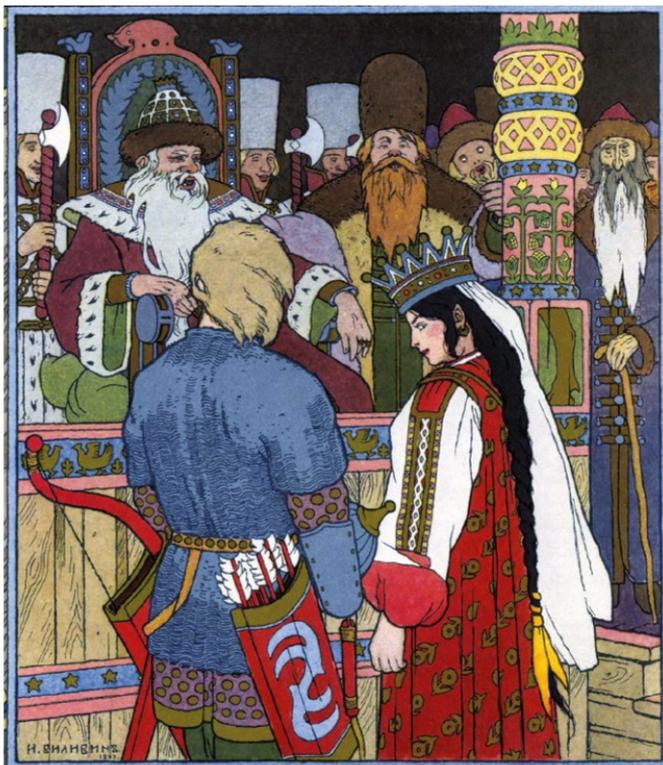

Иллюстрация Ивана Билибина к «Сказке об Иване-царевиче, Жар-птице и сером волке»

Нельзя не вспомнить и свадебные обряды у славян: в них важная роль отводилась именно женщинам, что можно объяснить лишь взаимосвязями между женщинами внутри рода. В некоторых областях, заселенных южными славянами, считалось, что невеста не должна терять девственность в первые три дня замужней жизни, чтобы у нее сложились теплые взаимоотношения с новой семьей. В первую ночь ее

отводили спать с матерью мужа, во вторую — с его сестрами, и только в третью ночь молодые вступали в брачную связь.

Таким же архаическим матриархальным отголоском можно назвать традицию, распространенную в Далмации, когда молодые после венчания и пира в доме жениха приезжали в усадьбу матери невесты и именно там проводили первую брачную ночь. Или обычай народных масленичных гуляний, когда первой с горы скатывались именно молодожены; причем внизу жениха засыпали снегом, а жена его выкупала, то есть ведущая роль принадлежала именно ей.

Повлияла эта эпоха и на фольклор. В «Сказке о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» Иван-царевич уехал с девицей Синеглазкой в ее девичье царство; в «Марье Моревне» другой Иван-царевич жил с главной героиней в ее королевстве; то же самое происходит с героем в сказке «Царь-девица».

У сказочных персонажей сохранились прозвища или имена, данные по матери. Самый простой пример — Иван — вдовый сын, то есть рожденный у вдовы, без отца. Целых три героя в разных сказках появляются на свет после того, как их матери съедают части волшебной рыбы: Иван-царевич (сын царя и царицы), Иван — девкин сын (сын незамужней служанки) и Иван — коровий сын. Однако в варианте одной сказки похожие персонажи сходятся вместе: богатырь Иван Сучич (сын собаки) и его друзья, Иван-царевич и Иван Девичий (сын дворовой девки). Но самый интересный вариант материнского строя демонстрирует сказка «Краса — Долгая Коса» (в пересказе для детей — «Ненаглядная Красота»): в ней царевич ищет себе невесту — девушку, которую называют «трех маток дочкой, трех бабок внучкой, девяти братьев сестрой». Едва ли не единственный раз в сказках описана семья, в которой сразу несколько женщин занимают главенствующие позиции — это матери и бабки, у которых общие

дети и внуки. В привычной нам семье у человека может быть только одна мать и только две родные бабушки, но никак не три. В традиционных семьях обязательно известен глава семьи, будь он хоть царем, хоть крестьянином. В сказке «Краса — Долгая Коса» нигде не упомянуты ни отцы, ни деды этих детей, как и то, что женщины являются вдовами. Видимо, рожденные у женщин дети считаются общими, как это бывает в первобытных племенах, и воспитываются они сообща.

Это роднит Красу с Масленицей, ведь о той дошли слова: «Душа моя Масленица, перепелиные твои косточки, бумажное твоё тело, сахарные уста, сладкая речь, красная краса, руса коса, тридцати братьев сестра, сорока бабушек внука, трех матерей дочка».

Таинства перехода

Долгое время люди и животные, не достигшие «возраста», воспринимались как существа без пола. Это отражает то, что в индоевропейских языках слова, которые к ним применяют, в основном среднего рода: чадо, теля, котя⁶. Даже такие обращения, как дитяtko, ляля, младенчик, подразумевают незрелое существо «вне пола»⁷. Когда же инициация ушла в прошлое, появились слова «ребенок», «сын» и «дочь», которыми называют даже младенцев.

Из старых колыбельных до нас дошло множество забавных и странных слов, которыми называли младенцев. Например: бродушка, катыш, коклюшка, купырза, ласутка, малехотка, младень, опекашь, отеленень, пакленок, ползень, пузгленок, сидячка, скорузлик, счиренок, телепень, ходышка, чаплюшко, чупырзик, шалтышка, шевелка, цапырочка.

Чадо — это еще не человек, «оно» только может стать человеком когда-то потом. В северных наречиях девочку, которая еще не достигла возраста замужества, даже называли «не человековатой»⁸. Этот вопрос исследовали многие специалисты разных областей: историки Владимир Пропп и Евгений Новиков (1826–1903), культуролог Мирча Элиаде (1907–1986), психолог Эрих Нойманн (1905–1960), филолог Софья Агранович (1944–2005). И все они сходятся во мнении, что инициация была связана с наступлением половой зрелости.

Во время инициации человек сам проходил путь от биологического состояния к социальному. Веками позже, когда место посвящения заняло крещение, «обмен» биологического существа на социальное совершали в храме крестные родители младенца, при этом было очевидно, что по своей социальной значимости малыш не равен взрослому. Процессы посвящения растягивались на много лет — от крещения и до свадебных ритуалов, и полноценным членом общества считался человек, вступивший в брак.

Выше упоминавшийся Мирча Элиаде выделял два вида инициации. **Возрастная** открывала подросткам доступ к сакральным знаниям племени и к сексуальности. Считалось, что в это время из подростка рождался человек. В **специализированной** инициации происходила трансформация более высокого уровня. В ее процессе из обычного человека рождался сверхчеловек — способный творить подобно демиургу и общаться с божествами, предками и духами.

И действительно, по текстам сказок можно проследить, что как минимум женская инициация была разбита на два крупных этапа:

1. Доказательство человечности. Здесь героиня обретала знания о теле, понимание табу. Именно это отражают сказки «Морозко», «Дочь и падчерица» и «Гуси-лебеди».

2. Доказательство божественности. Женщина получала творческие способности: плясать, петь, играть на музыкальном инструменте; осваивала архаическую медицину; училась применять магию и гипноз (вспомните манипуляции с гребнями и полотенцами). Примерами могут служить сказки «Царевна-лягушка», «Василиса Прекрасная» и «Баба Яга».

Кстати, «Царевна-лягушка» и «Василиса Прекрасная» здесь наиболее интересны. Если помните, Василиса постигала у Бабы Яги премудрости архаической медицины, а Царевна-лягушка, прошедшая инициацию не до конца, при содействии невидимых обычным людям помощниц ткала особенные ткани и пекла необычные хлеба. При этом Василиса не танцевала, а Царевна-лягушка не знала медицины. Можно предположить, что в понимании архаичного человека женственность и божественность были очень близки и порой эти категории переходили из одной в другую.

Судя по сказкам, посвящение в люди проходило круглый год, а вот у испытаний прослеживается сезонность. Летом и осенью неοφитов испытывали голодом и жаждой, а зимой — голодом и холодами. Об этом мы поговорим ниже, в конкретных главах, где остановимся подробнее на каждом сезоне. На то, что инициация проходила в несколько этапов, косвенно может указывать большая продолжительность процесса. Да, сказки «помнят» и об этом! Например, главная героиня в «Двух сестрах» жила у Бабы Яги год, а Царевна-лягушка носила лягушачью шкуру целых три. Доказав, что она человек, молодая женщина при определенных обстоятельствах могла остаться в услужении у Бабы Яги и получить от нее сакральные знания.

С инициацией во многих культурах неразрывно связана изоляция, на что, безусловно, повлиял матриархальный культ Великой Матери. Племя (или род) изгоняло неοφита, и тот отправлялся — или был вынужден отправиться —

проходить посвящение. Утрата «маточного рая», родной пещеры, удаление от хорошо знакомых мест и домашнего очага вели к инициации, а инициация — ко второму рождению.

Иллюстрация Виктора Замирайло к сказке «Царевна-лягушка»

В сказках о женской инициации героини лишаются крова и вынуждены отправиться — как правило, к Бабе Яге — проходить инициацию. Здесь можно вспомнить «Девушку в колодце», «Двух сестер», «Василису Прекрасную», «Бабу Ягу». В этих сказках изгнание не называется прямо, оно всегда имеет другие «причины». Мачехи или старшие женщины в семье отправляют девушек за огнем, утопленным веретеном, ниткой с иглой. Причем героини не стараются избежать встречи с Бабой Ягой. Например, перед тем как пойти в лес, девочка из сказки заходит к родной тетке, и та учит ее, как правильно себя вести, что делать в разных

ситуациях, но не убергает ее от опасной встречи. (Имеется в виду сказка «Баба Яга» из «Народных русских сказок А. Н. Афанасьева». Т. 1. С. 156, сказка № 103.)

В других историях просматривается мотив удерживания. Об этом рассказывают «Бычок — черный бочок, белые копытца» (главная героиня — Нюрочка-девчурочка) и нижегородский вариант сказки «Снегурушка»: здесь девочки несколько раз пытаются сбежать, но Баба Яга догоняет их и возвращает в свою избушку. Вариантом этого мотива можно считать удавшийся побег героинь в сказках «Гуси-лебеди» и «Баба Яга», где Баба Яга и устраивает погоню. В хтонической шкуре удерживают и Царевну-лягушку.

Любой обряд перехода подразумевал проживание мифа о сотворении и рождении или перерождении, приобщение через временную смерть к миру предков. Древние верили, что человек может понять себя, если помнит себя от начала начал. Вот почему испытания во время женской инициации напоминали то, что переживает находящийся в утробе плод: удерживание, выталкивание-удерживание, проход по родовым путям.

После удерживания в безопасной среде матки начинается выталкивание, а затем следуют проход по родовым путям и появление на свет.

И если своего рождения человек не помнит, то ритуалы перехода были выстроены так, чтобы неопит никогда их не забыл.

Жрица Великой Матери

Итак, теперь мы примерно представляем себе, что такое инициация, для чего она была нужна и сколько длилась. Речь идет о том, что главная героиня, возвращаясь домой, вкушает пищу от молочной реки, что напоминает о мате-

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

